

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

а) НОВЫЕ ДАННЫЕ

ТОМ III

Стр. 730—759. «Заграничные известия» 1856 г. не принадлежат Чернышевскому (см. наст. том, стр. 694—695).

ТОМ IV

Стр. 888. Рецензия на книгу «Записки об ужении рыбы» С. Аксакова Замечания московского охотника... Н. Основского» напечатана в отделе «Приложения». Однако согласно данным гонорарной ведомости «Современника» за 1857 г. (см. «Литературное наследство», 1949, № 53—54, стр. 236), которые подтверждаются также указанием Чернышевского в его письме Некрасову от 13 февраля 1857 г. (см. наст. изд. т. XIV, стр. 340), автором всего отдела «Новые книги» в № 2 журнала за 1857 г. был Чернышевский. Следовательно, рецензию на «Записки об ужении рыбы...» следует перенести в основной текст.

ТОМ VII

Стр. 418—428. «Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1859 года по губерниям и городам». Статистические таблицы для этой статьи Чернышевского составлены Жеромским (ИРЛИ, конторская книга «Современника» за 1860 г., лист 117).

Стр. 464. Рецензия на книгу: «Из Украины. Сказки и повести Г. П. Данилевского» принадлежит А. Н. Пыпину (ИРЛИ, конторская книга «Современника» за 1861 г., лицевой счет А. Н. Пыпина).

Стр. 890—908. «Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1860 года по губерниям и городам». Статистические таблицы для этой работы Чернышевского составлены Жеромским (ИРЛИ, конторская книга «Современника» за 1861 г., лист 124).

Стр. 924—933. Рецензия на книгу: «О настоящем быте мещан Саратовской губернии. Записка И. А. Гана» не входит в лицевой счет Чернышевского в конторской книге «Современника» за 1861 г.

Стр. 956—968. Рецензия «Стихотворения А. Н. Плещеева» принадлежит М. И. Михайлову (см. неопубликованное письмо Плещеева к М. И. Михай-

лову, ЦГЛА, фонд М. И. Михайлова, № 1111, оп. 2, ед. хр. 39 и запись в конторской книге «Современника» за 1861 г. в лицевом счете М. И. Михайлова, л. 143: «Разбор стихотворений Плещеева, 14 <стр.>»).

ТОМ X

Стр. 454—479. «Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1861 года по губерниям и городам». Статистические таблицы для этой статьи Чернышевского составлены Орловым (ИРЛИ, конторская книга «Современника» за 1862 г., лист. 117).

Стр. 480—485. Рецензия на книгу: «Этюды. Популярные чтения Шлейдена. Перевод с немецкого профессора Московского университета Калиновского» принадлежит М. А. Антоновичу (ИРЛИ, конторская книга «Современника» за 1862 г., лицевой счет М. А. Антоновича, лист 123: «В № 1 «Новые книги». Этюды. Популярные чтения Шлейдена. Перевод Калиновского, 6 <стр.>»).

Стр. 737—772. В соответствии с вновь найденным Н. А. Алексеевым списком опечаток к статье «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» (хранится в ЦГЛА), сделанным рукою Чернышевского, следует внести в текст следующие поправки:

		Напечатано	Исправлено
Стр. 737,	строка 11	они имеют	она имеет
Стр. 738,	строка 1	его	учителя их
»	строка 4	Исследования	Исследование
	снизу		
Стр. 739,	строка 13	в 1797 г.	в 1798 г.
Стр. 742,	строка 18	в 1812 г.	в 1817 г.
	снизу		
Стр. 743,	строка 10	приняли	принимали
Стр. 744,	строка 3	наводнения	нынешние наводнения
	снизу		
Стр. 745,	строка 16—17	житейским делам, вопро-сам, так	житейским делам, так
Стр. 746,	строка 12	его	ее
	снизу		
Стр. 749,	строка 23	не заключало	не заключало бы
Стр. 753,	строка 10	необходимо ли тебе для	необходимо ли для
	снизу		
Стр. 755,	строка 20	в Лондоне;	в Лондоне, и в Уэстмин-стерском аббатстве по-ставлен памятник ему;
Стр. 761,	строка 4—5	с самого начала знал бы	знал бы с самого начала
	снизу		
»	строка 3	некоторых	нынешних
	снизу		
Стр. 765,	строка 14	не знал.	не знал, то не знал.
	снизу		
Стр. 769,	строка 23	с полною	с сильною
	снизу		

ТОМ XV

Стр. 895. Под № 1331 записка Чернышевского В. Г. Короленко напечатана в том виде, в каком она приводится в воспоминаниях Короленко о Чернышевском. Между тем, в музее В. Г. Короленко в Полтаве хранится собственноручная записка Чернышевского, текст которой:

«Владимир Галактионович, зайду к Вам между 10 часами и четвертью 11-того, Ваш

Н. Чернышевский

17 авг.»

6) ПОПРАВКИ

ТОМ I

Подпись под факсимиле, вклеенном между страницами 128—129, следует читать: «Черновик перевода на латинский язык отрывка из лекций проф. Срезневского (Что думали древние славяне о бессмертии души)».

ТОМ IV

		<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
Стр. 279,	строка 21	По природе своей] всегда	По природе своей огром- ное большинство людей] всегда
Стр. 290,	строка 8	нашим старикам	нашим сатирикам
Стр. 897,	прим. 10	Речь идет о войне за испанское наследство и т. д.	Речь идет о вторжении французов в Испанию в 1806 г.

ТОМ V

Стр. 851,	строка 8	нечто более	не более
Стр. 932,	строка 20 снизу	(1845)	(1849)

ТОМ VII

Стр. 81,	строка 13 снизу	присвоивает власть	присвоивает законода- тельную власть
Стр. 181,	строка 22	естественному ходу	нестесненному ходу
Стр. 183,	строка 24	безобидную жизнь	безбожную жизнь
Стр. 227,	строка 16	общественных благ	общезительных благ
Стр. 1024,	строка 20 снизу	процесса.	прогресса.

Стр. 1040. В прим. 29 говорится о журнале «Московское обозрение», который намеревались издавать в 1844 г. Грановский и Герцен. В действительности Чернышевский имел в виду «критический журнал», издававшийся в Москве в 1859 г. под названием «Московское обозрение», одним из ближайших сотрудников которого был Альбертини.

ТОМ IX

Отрывки, напечатанные на стр. 884—897, обозначены как варианты предисловия к изданию полного перевода «Оснований политической экономии» Милля. На самом деле они являются отрывками написанной Чернышевским в крепости большой, до сих пор не найденной работы «Общий очерк положения наук в начале 2-й половины XIX века», составлявшей 67 полулистов (см. наст. изд., т. XIV, стр. 490).

Примечание на стр. 980 о том, что первые 23 примечания не сохранились, неточно. Не сохранилось только 23-е примечание и начало 24-го, а первые 22 примечания напечатаны в данном томе на стр. 153—164.

		Напечатано	Следует
Стр. 1002,	строка 2 снизу	Сисмонди	Фурье
Стр. 1004,	строка 3 снизу	персидского царя	вавилонского царя
»	строка 2 снизу	судьбы людей.	близкой гибели вавилонского царства.

ТОМ X

Стр. 102,	строка 13	странная развязка	страшная развязка
Стр. 983,	строка 5 снизу	лишь бы словом кан, или кант	лишь бы со словом кан или канис, или гунд
Стр. 983,	строка 6 снизу	каниссм. Щеголяя	канисом, щеголяя

ТОМ XIII

Стр. 888,	строка 21	В письме к жене 21 июня 1876 г.	В письме к жене 21 июля 1876 г.
-----------	-----------	------------------------------------	------------------------------------

ТОМ XIV

Стр. 52,	строка 20	Что же думать о его решении?	Что же думать о его религии?
Стр. 488,	строка 21 снизу	утешу тебя	прошу тебя
Стр. 666,	строка 1	постоянный	постоянной
Стр. 817,	строка 10 снизу	«Английская мирская политика»	«Английская коммерческая политика»
Стр. 836,	строка 21 снизу	детей	депешей

Текст прокламации «Барским крестьянам» (том VII наст. изд., стр. 517—524) напечатан не точно.

Ниже печатается без всяких отступлений текст воззвания, опубликованный в издании: Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения в пяти томах, Госиздат, 1928, том I, стр. 143—152.

БАРСКИМ КРЕСТЬЯНАМ ОТ ИХ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ ПОКЛОН

Ждали Вы, что даст Вам царь волю, вот Вам и вышла от царя воля.

Хороша ли воля, какую дал Вам царь, сами Вы теперь знаете.

Много тут рассказывать нечего. На два года остается все попрежнему: и барщина остается, и помещику власть над Вами остается, как была. А где барщины не было, а был оброк, там оброк остается, либо какой прежде был, либо еще больше прежнего станет. Это на два года, говорит царь. В два года, говорит царь, землю переписут да отмежут. — Как не в два года! Пять лет, либо десять лет проволочат это дело. А там что? Да почитай, что то же самое еще на семь лет; только та разница и будет, что такие разные управления устроят, куда, вишь ты, можно жаловаться будет на помещика, если притеснять будет. Знаете Вы сами, каково это слово «жалуйся на барина». Оно жаловаться-то и прежде было можно, да много ли толку было от жалоб? Только жалобщиков же оберут, да разорят, да еще пересекут, а иных, которые смелость имели, еще и в солдаты забреют, либо в Сибирь да в арестантские роты сошлют. Только и проку было от жалоб. Известно дело: коза с волком тягалась, один хвост остался. Так оно было, так оно и будет, покуда волки останутся, — значит — помещики да чиновники останутся. А как уладить дело, чтобы волков-то не осталось, это дальше все рассказано будет. А теперь покуда не об этом речь, какие новые порядки надо Вам завести; покуда об этом речь и идет, какой порядок вам от царя дан, — что значит, не больно-то хороши для Вас нынешние порядки, а что порядки, какие по царскому манифесту да по указам заводятся, все те же самые прежние порядки. Только в словах и выходит разница, что названья переменяются. Прежде крепостными, либо барскими Вас звали, а ныне срочно-обязанными Вас звать велют; а на деле перемены либо мало, либо вовсе нет. Эки слова-то выдуманы! Срочно-обязанные, — вишь ты глупость какая! Какой им чорт это в ум-то вложил такие слова! А по-нашему надо сказать: вольный человек, да и все тут. Да чтобы не названием одним, а самым делом был вольный человек. А как бывает в несправду вольный человек и каким манером вольными людьми можно Вам стать, об этом обо всем дальше написано будет. А теперь покуда о царском указе речь, хорош ли он.

Так вот как: два года ждите, царь говорит, покуда земля отмежуеться, а на деле земля-то межеваться будет пять, либо и все десять лет; а потом еще семь лет живите в прежней кабале, а по правде-то оно выйдет опять не семь лет, а разве что семнадцать, либо двадцать, потому что все, как сами видите, в проволочку идет. Так, значит, живите вы по-старому в кабале у помещика все эти годы, два года, да семь лет, значит — девять лет, как там в указе написано, а с проволочками-то взаправду выйдет двадцать лет, либо тридцать лет, либо и больше. Во все эти годы оставайся мужик в неволе, уйти никуда не мог: значит, не стал еще вольный человек, а все остается срочно-обязанный, значит — все тот же крепостной. Не скоро же воли вы дождетесь, — малые мальчишки до бород аль и до седых волос дожить успеют, покуда воля-то придет по тем порядкам, какие царь заводит.

Ну, а покуда она придет, что с вашей землей будет? А вот что с нею будет. Когда отмежевывать станут, обрезать ее велено против того, что у вас прежде было, в иных селах четвертую долю отрежут из прежнего, в иных третью, а в иных и целую половину, а то и больше, как придется где.

Это еще без плутовства от помещиков да без потачки им от межевщиков по самому царскому указу. А без потачки помещикам межевщики делать не станут, ведь им за то помещики станут деньги давать; оно и выйдет, что оставят Вам земли меньше, чем наполовину против прежней: где было на тягло по две десятины в поле, оставят меньше одной десятины. И за одну десятину, либо меньше, мужик справляй барщину почти что такую же, как прежде за две десятины, либо оброк плати почти что такой же, как прежде за две десятины.

Ну, а как мужику обойтись половиной земли? Значит, должен будет прийти к барину просить: дай, дескать, землицы побольше, больно мало мне под хлеб по царскому указу оставили. А помещик скажет: мне за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброк давай. Да и заломит е мужика сколько хочет. А мужику уйти от него нельзя, а прокормиться с одной земли, какая оставлена ему по отмежевке, тоже нельзя. Ну, мужик на все и будет согласен, вот оно и выйдет, чего барин потребует. Вот оно и выйдет, что нагрузит на него барин барщину больше нынешней, либо оброк тяжелее нынешнего.

Да разве за одну ли пашню надбавка будет? Нет, ты барину за луга подавай, ведь сенокос-то, почитай что весь отнят у мужика по царскому указу. И за лес барин с мужика возьмет, ведь лес-то, почитай что во всех селах отнимут; сказано в указе, что лес барское добро, а мужик и валежнику подобрать не смей, коли барину за то не заплатит. Где в речке или в озере рыбу ловили, и за то барин станет брать. Да за все, чего ты ни коснись, за все станет с мужика барин либо к барщине, либо к оброку надбавки требовать. Все до последней нитки будет барин брать с мужика. Просто сказать, всех в нищие поворотят помещики по царскому указу.

Да еще не все. А усадьбы-то переносить? Ведь от барина зависит. Велит перенести, не на год, а на десять лет разоренья сделает. С речки на колодцы пересадит, на гнилую воду, да на *вишивую*, с доброй земли на солончак, либо на песок, либо на болото, — вот тебе и огороды, вот тебе и конопляники, вот тебе и выгон добрый, все *поминай* как звали. Сколько тут перемрет народу, на болотах-то, да на гнилой-то воде! А больше того ребятишек жаль: их лета слабые, как мухи будут на дрянной-то земле, да на дрянной-то воде мереть. Эх, горькое оно дело! А гробы-то родительские — от них-то каково отлучаться?

Тошно мужику придется, коли барин по царскому указу велит на новые места переселяться. А коли не переселил барин мужиков, так они, значит, уж в чистой, как есть, в кабале у него; на все у него одно такое слово есть, что в ноги ему упадет мужик да завопит: «батюшка, отец родной, чего хочешь, требуй, все *выполню*, весь твой раб!» А слово это у барина таково: «Коли не хочешь такую барщину справлять, либо такой оброк платить, переноси усадьбу». Ну, и сделаешь все по этому словечку.

А то вот что еще скажет: ты мне работник этот день, да его в счет не ставлю: плохо ты работал; завтра приходи отрабатывать. Ну, и придешь. На это тоже власть барину дана по указу царскому.

Это все об том говорится, как мужикам будет жить, покуда их срочно-обязанными звать будут, значит, девять лет, как в бумаге обещано, а на деле дольше будет, лет до двадцати, либо до тридцати.

Ну, так; а потом-то что будет, когда, значит, мужику разрешено будет отходить от помещика? Оно, пожалуй, что и толковать-то об этом нечего,

потому что долго еще ждать этого по царскому указу. А коли любопытство у Вас есть, так и об этом вольном времени рассудить можно.

Когда срочно-обязанное время покончится, волен ты будешь отходить от помещика. Оно так в указе обещано. Только в нем вот что еще прибавлено: а коли ты уйдешь, так земля твоя останется за помещиком. А помещик и сам, коли захочет, может тебя прогнать с нее. Потому, вишь ты, что земля, которая тебе была отмежевана, все же не твоя была, а барская, а тебе барин только разрешение давал ее пахать, либо сено с нее косить; покуда ты срочно-обязанным назывался, он тебя с нее прогнать не мог; а когда перестал ты срочно-обязанным называться, он тебя с нее прогнать может. В указе не так сказано напрямки, что может прогнать, да на то выходит. Там сказано: мужик уйти может, когда срочно-обязанное время кончится. Вот вы и разберите, что выходит. Барину-то у мужиков землю отнять хочется; вот он будет теснить их да жать, да сожмет так, что уйдут, а землю ему оставят, — оно, попросту сказать, и значит, что барин у мужиков землю отнимать может, а мужиков прогнать.

Это об этом времени, когда срочно-обязанными вас называть перестанут. А покуда называют, барину нельзя мужиков прогнать всех с одного разу, а можно только по отдельности прогонять: ноне Ивана, завтра Сидора, послезавтра Карпа, поочередно; оно, впрочем, на то же выходит.

А мужику куда итти, когда у него хозяйство пропало? В Москву, что ли, али в Питер, али на фабрики? Там уже все полно, больше народу не требуется, поместить некуда. Значит, походишь, походишь по свету, по большим-то городам да по фабрикам, да все туда же в деревню назад вернешься. Это спервоначала пробу мужики станут делать. А на первых-то глядя, как они нигде себе хлеба не нашли, другие потом и пробовать не будут, а прямо так в том околотке и будут оставаться, где прежде жили. А мужику в деревне без хозяйства да без земли, что делать, куда деваться, кроме как в батраки наняться. Ну, и наймешься. Сладко ли оно батраком-то жить? Ноне, сами знаете, не больно вкусно; а тогда и гораздо похуже будет, чем ноне живут батраки. А почему будет хуже, явное дело. Как всех-то погонят с земли-то, как везде будут сотни да тысячи народу шататься да просить помещиков, чтобы в батраки их взяли. Значит, уж помещичья воля будет, какое житье им определить, они торговаться не могут, как ноне батрак с хозяином торгуется: они куску хлеба рады будут, а то у самого-то в животе-то пусто, да и семья-то приюта не имеет. Есть такие поганные земли, где уж давно заведен этот порядок; вот вы послушайте, как там мужики живут. У вас ноне избы плохи, а там таких нет: в землянках живут да в хлевах; а то в сараях больших, в одном сарае семей десяток набито, все равно как там табун скота какого. Да и хлеба чистого не едят, а дрянь всякую, как у нас в голодные годы, а у них лечно так. У нас, в русском царстве, есть такая поганая земля, где города Рига да Ревель, да Митава стоят, а народ там тоже христианский, и вера у него тоже хорошая; да не по вере эта земля поганая, а по тому, как в ней народ живет: коли хорошо мужику жить в какой земле, то и добрая земля; а коли дурно, то и поганая.

Так вот оно к чему по царскому-то манифесту да по указам дело поведено: не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нынешней.

А не знал царь, что ли, какое дело он делает? Да сами вы посудите,

мудрено ли это разобрать? Значит, знал. Ну, и рассуждайте, чего надеяться вам на него. Оболгал он вас, обольстил он вас. Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно. А почему не дождетесь от него, тоже рассудить можно.

Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик? Удельные-то крестьяне чьи же? Ведь они его крестьяне крепостные. Да и вас-то в крепостные помещикам все цари же отдали, иных давно, так что вам уж и не памятно; а других не больно давно, так что деды помнят, прабабка нынешнего царя Екатерина отдала в крепостные из вольных. А есть еще такие неразумные, что ее матушку Екатериною величают. Хороша матушка, детей в кабалу отдала.

Вот у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что он, что они — все одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну, царь и держит барскую сторону. А что манифест да указы выпустил, будто волю вам дает, так он только для обольщения сделал. А почему сделал, вот почему. У французов да у англичан крепостного народа нет, вот они ему глаза и кололи, что у тебя, говорят, народ в кабале. Ему и стыдно было перед ними. Вот он им пыль-то в глаза и подпустил: для похвальбы это сделано, для обману сделано.

Волю, слышь, дал он вам! Да разве такая в исправду-то воля бывает! Хотите знать, так вот какая.

Вот у французов есть воля, у них нет розницы: сам ли человек землю пашет, других ли нанимает свою землю пахать; много у него земли — значит, богат он; мало — так беден; а розницы по званию нет никакой, все одно как богатый помещик, либо бедный помещик, — все одно помещик. Надо всеми одно начальство, суд для всех один и наказание всем одно.

Вот у англичан есть воля, а воля у них та, что рекрутства у них нет: кто хочет, иди на военную службу, все равно, как у нас мещанин какой нанимается в солдаты, коли захочет или вот лучше как у нас помещики тоже юнкерами и офицерами служат, коли хотят. А кто не хочет, тому и принужденья нет. А солдатская служба у них выгодная, жалованье солдату большое дается; значит, доброй волей идут служить, сколько требуется людей.

А то и вот еще в чем воля и у французов и у англичан; подушной подати нет. Вам это, может, и в ум не приходило, что без рекрутчины да без подушной подати может царство стоять. А у них стоит. Вот, значит, умные люди, коли так устроить себя умели.

А то вот еще в чем у них воля. Пачпортов нет; каждый ступай, куда хочет, живи, где хочет, ни от кого разрешенья на то ему не надо.

А вот еще в чем у них воля: суд праведный. Чтобы судья деньги с кого брал, у них это и не слыхано. Они и верить не могут, когда слышат, что у нас судьи деньги берут. Да у них такой судья одного дня не просидел бы на месте, в ту же минуту в острог его запрятали бы.

А то вот еще в чем у них воля: никто над тобою ни в чем не властен, кроме мира. Миром все у них правится. У нас исправник, либо становой, либо какой писарь, а у них ничего этого нет, а вместо всего староста, который без миру ничего поделывать не может и во всем должен миру отчет давать. А мир над старостою во всем властен, а кроме мира никто над старостою не властен, и ни к кому староста страха не имеет, а к миру страх имеет. Полковник ли, генерал ли, у них все одно: перед старостою шапку ломит и во всем старосту слушаться должен; а коли чуть в чем провинился генерал, али кто

бы там ни был, перед старостою, али ослушался старосты, староста его, полковника-то аль генерала-то, в острог сажает, — у них перед старостою все равно: хоть ты простой мужик, хоть ты помещик, хоть ты генерал будь, все равно староста над тобою начальствует, а над старостою мир начальствует, а над миром никто начальствовать не может, потому что мир значит народ, а народ у них всему голова: как народ повелит, так всему и быть. У них и царь над народом не властен, а народ над царем властен. Потому что у них царь, значит для всего народа староста, и народ-то, значит, над этим старостою, над царем-то, начальствует. Хорош царь, послушествует народу, так и жалованье ему от народа выдается, а чуть что царь стал супротив народа делать, ну так и скажут ему: ты, царь, над нами уже не будь царем, ты нам негоден, мы тебя сменяем, иди ты с богом, куда сам знаешь, от нас подальше; а не пойдешь, так мы тебя в острог посадим да судить станем тебя за твое ослушанье. Ну, царь и пойдет от них, куда сам знает, потому что ослушаться народа не может. А как провожать его от себя станут, они ему на дорогу еще деньжонок дадут, из жалости, Христа ради там складчину ему сделают промеж себя по грошу аль по копейке с души, чтобы в чужой-то земле с голоду не умер. Добрый народ, только и строгой же: потачки царю не любят давать. А на место его другого царя выберут, коли захотят, а коли не захотят, так и не выбирают, коли нет у них на примете хорошего человека. Ну тогда уж просто там на срок староста народный выбирается, на год ли там, на два ли, на четыре ли года, как народ ему срок полагает. Так заведено у народа, который швейцарцами зовется, и у другого народа, который американцами зовется. А французы и англичане царей у себя пока держат. И надобно так сказать, когда народный староста не по наследству бывает, а на срок выбирается, и царем не зовется, просто зовется народным старостою, а по-ихнему, по-иностранному, президентом, тогда народу лучше бывает жить, народ богаче бывает. А то и при царе тоже можно хорошо жить, как англичане и французы живут, только, значит, с тем чтобы царь во всем народу послушанье оказывал и без народа ничего сделать не смел, и чтобы народ за ним строго смотрел, и чуть что дурное от царя увидит, сменял бы народ его, царя-то, и вон из своей земли выпроваживал, как у англичан да у французов делается.

Так вот она какая в исправду-то воля бывает на свете: чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, и чтобы пачпортов не было и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было. Вот это воля, так воля и есть. А коли того нет, значит, и воли нет, а все одно обольщенье в словах.

А как же нам, русским людям, в исправду вольными людьми стать? Можно это дело обработать; и не то, чтобы очень трудно было; надо только единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой за-пасться.

Вот вы, барские крестьяне, значит, одна половина русских мужиков. А другая половина — государственные да удельные крестьяне. Им тоже воли-то нет. Вот вы с ними и соглашайтесь, и растолкуйте им, какая им воля следует, как выше прописано. Чтобы рекрутчины, да подушной, да пачпортов не было, да окружных там, да всей этой чиновной дряни над ними не было, а чтобы у них тоже мир был всему голова. И от нас, наших доброжелателей, поклон им скажите: как вам, так и им одного добра мы хотим.

ГОСУДАРСТВЕННЫМ И УДЕЛЬНЫМ КРЕСТЬЯНАМ ОТ ИХ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ ПОКЛОН

А вот тоже солдат — ведь опять из мужиков, тоже ваш брат. А на солдате все держится, все нонешние порядки. А солдату какая прибыль за нонешние порядки стоять? Что, ему житье, что ли, больно сладкое? Али жалованье хорошее? Проклятое нонче у нас житье солдатам. Да и лоб-то им забрили по принуждению, и каждому из них вольную отставку получить бы хотелось. Вот вы им и скажите всю правду, как об них написано. Когда воля мужикам будет, каждому солдату тоже воля объявится: служи солдатом, кто хочет, а кто не хочет, отставку чистую получай. А у солдата денег нет, чтобы домой итти да хозяйством или каким мастерством обзавестись, так ему при отставке будут на то деньги выданы, сто рублей серебром каждому. А кто волей захочет в солдатах остаться, тому будет в год жалованья пятьдесят рублей серебром. А и принужденье никакого нет, хочешь — оставайся, хочешь — в отставку иди. Вы так им и скажите, солдатам: вы, братья солдатушки, за нас стойте, когда мы себе волю добывать будем, потому что и вам воля будет: вольная отставка каждому, кто в отставку пожелает, да сто рублей серебром награды за то, что своим братьям мужикам волю добыть помогал. Значит, и вам и себе добро сделают. И поклон им от нас скажите:

СОЛДАТАМ РУССКИМ ОТ ИХ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ ПОКЛОН

А еще вот кому от нас поклонитесь: офицерам добрым, потому что есть и такие офицеры, и немало таких офицеров. Так чтобы солдаты таких офицеров высматривали, которые надежны, что за народ стоять будут и таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть.

А еще вот о чем, братцы, солдат просите, чтобы они вас учили, как в военном деле порядок держать. Муштровки большой вам не надо, чтобы там в ногу итти по-солдатски да носок вытягивать, — без этого обойтись можно, а тому надо учиться вам, чтобы плечом к плечу плотнее держаться, да команды слушаться, да пустого страха не бояться, а мужество иметь во всяком деле да рассудок спокойный, значит, хладнокровие. Что вам надо узнать, что покуда вперед прешь да плотно держишься, да команды слушаешься, — тут мало вреда терпишь; только тогда и опасность большая бывает, когда дрогнешь да мяться начнешь, да еще коли побежишь назад, — ну, тут уже плохо дело. А покуда вперед идешь, мало тебе пушка вреда делает. Ведь из сотни-то ядер разве одно в человека попадет, а другие все мимо летят. И о пулях то же надо сказать. Тут грому много, а вреда мало.

А кроме того, ружьями запасайтесь кто может да всяким оружием.

Так вот оно какое дело: надо мужикам всем промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда пора будет. А покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит — спокойствие сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорится, что один в поле не воин. Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить. А когда все готовы будут, значит, везде поддержка подготовлена, ну, тогда, дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом мужиком толкуй да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде

понимал. А когда промеж вами единомушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора, дескать, всем дружно начинать. Мы уж увидим, когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь у нас по всем местам свои люди есть, ото- всюду нам вести приходят, как народ да что народ. Вот мы и знаем, что по- кудова еще нет приготoвленности. А когда приготoвленность будет, нам тоже видно будет. Ну, тогда и пришлем такое объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать, что во всех местах в одну пору начнется доброе дело, потому что везде тогда народ готов будет, и единомушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет. Тогда и легко будет волю добыть. А до той поры готовься к делу, а сам виду не показывай, что к делу подготовка у тебя идет.

А это наше письмецо промеж себя читайте да друг дружке раздавайте. А кроме своего брата-мужика да солдата, ото всех его прячьте, потому что для мужиков да для солдат наше письмецо писано, а к другому ни к кому оно не писано, значит, кроме Вас, крестьян да солдат, никому и знать об нем не следует.

Оставайтесь здоровы, да вести от нас ждите. Вы себя берегите до поры до времени, а уж от нас Вы без наставленья не останетесь, когда пора будет.

Печатано письмецо это в славном городе Христиании, в славном царстве Шведском, потому что в русском царстве царь правду печатать не велит. А мы все люди русские и промеж Вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтобы Вы себя берегли. А когда пора будет за доброе приниматься, тогда откроемся.